

МУХАММАД
АЛЬ-ДААМИ

Ориентализм: западная культурная реакция на арабо-исламскую историю¹

Мухаммад аль-Даами (р. 1955) – арабский исследователь культуры и политики, автор книг об исламе, его отношениях с западным миром и глобализацией.

Как верно отмечал покойный профессор Эдвард Саид, ориентализм – политическое видение реальности. Это видение строится на подчеркивании различий между привычным (Европой, Западом, «нами») и чуждым (Востоком, «ими»). Будучи сильной и привычной сущностью, Запад считает естественным, что находится в позиции превосходства и обязан (как считают некоторые лидеры общественного мнения) «включить [Восток] в себя и представлять человека Востока через гегемонистские призмы». Эти рамки стремятся к включению и представлению, принимают разные формы и прибегают к разнообразным техникам, работающим для этого. Помимо способов взаимодействия с отобранными отрывками свидетельств о прошлом, исторический нарратив помещается в пределы универсалистских рамок, которыми пользуются ориенталисты, чтобы конструировать Восток, особенно арабо-исламский.

Важность истории арабского мира для Европы связана не только с тем, что это земля трех семитских религий. Она также объясняется тем, что это единственное восточное прошлое, с которым Европа сосуществовала и вступала в конфликт до конца XVIII века, когда баланс сил изменился в ее пользу. Для Европы этот Восток – «классический», ближайший географически, наиболее связанный с ней культурно и цивилизационно конкурент. С тех пор, как США стали мировой державой, [именно] этот Восток владел умами американцев в силу их наследия, укорененного в европейской культуре, а также из-за могущественного еврейского лобби внутри [США] – все это, несмотря на огромный интерес Америки к Дальнему Востоку, с которым Америка связана с запада через Тихий океан, Японию, Китай, Корею и океанические острова.

Некоторое время назад критик Эрик Мейер опубликовал исследование, в котором резюмировал аргументы Эдварда Саида, отметив параллель между подходом ориентализма и грамматическим строением предложения в английском:

¹ Перевод выполнен по: AL-DAAMI M. *al-Istishraq: al-istijāba at-thaqāfiyya al-gharbiyya li-t-tārīkh al-'arabī al-islāmī*. Beirut, 2008. P. 181–188, 190–192.

«Если рассматривать идеологический синтаксис исторического нарратива, созданного ориенталистами-романтиками, как метаграмматическое предложение, то его можно свести к структуре книги Гегеля “Философия истории”, в которой Запад (субъект действия) побеждает Восток (объект действия) во всемирной битве за историческую гегемонию»².

МУХАММАД АЛЬ-ДААМИ
ОРИЕНТАЛИЗМ: ЗАПАДНАЯ
КУЛЬТУРНАЯ РЕАКЦИЯ
НА АРАБО-ИСЛАМСКУЮ
ИСТОРИЮ

Согласно этой логике, в основе истории Востока, написанной ориенталистами, лежат имперские амбиции: желание разместить Восток и его прошлое между молотом западных желаний и наковальней будущих планов, создав новую мировую историю. Это проявление исторического нарратива, который воплощает западное стремление к власти, представленное в качестве исторической необходимости в рамках нового мирового порядка, есть разновидность легитимации, основанной на прошлом. В целом ориенталистская историография отражает данный экспансионистский мотив, несмотря на разные оттенки и множество тайных мотиваций и веских оснований – социальных, экономических и личных – в случае каждого ориенталиста. Но ориенталисты-ученые, как и писатели, и поэты-романтики, не способны избавиться от давления чувства имперского превосходства и желания доминировать над Другим при всем разнообразии индивидуальных мотивов. Стремление присвоить мировую историю подталкивает к тому, чтобы включить истории восточных народов во всемирную западоцентричную историю в качестве не более чем побочных притоков, впадающих в общее русло западной цивилизации:

«[Западная цивилизация стремится] сформулировать мировой исторический нарратив, который должен обосновать превосходство западного модерна перед лицом иррационального восточного деспотизма – и считает, что европейский модерн представляет высшую культурную систему. Искреннее желание освободить (Другого, человека Востока, араба), характерное для романтического эллинизма, остается запертым и служит легитимации исторического нарратива, который представляет распространение европейской гегемонии на Восток естественным и неизбежным»³.

Мейер считал, что писатели и поэты-романтики также подчинены этому искусительному представлению об имперской гегемонии, считал ее реальным фактором и сильным мотивом. Причина этого в том, что западное сознание оказалось под властью образа мыслей, напоминающего о старых идеях и являющегося элементом нашего духа времени (*Zeitgeist*). Этот образ мыслей

2 MEYER E. «*I Know Thee Not, I Loathe Thy Race*»: *Romantic Orientalism in the Eye of the Other* // *English Literary History*. 1991. Vol. 58. № 3. P. 668.

3 Ibid.

видит Восток угнетенным и слабым. Но также Мейер отмечает, что вражда именно к арабо-исламскому прошлому кажется самой сильной и распространенной (по сравнению с отношением к истории других восточных народов), поскольку ориенталистские произведения выражают лишаяющий сна страх перед исламом и арабами, воплощающими их первые военные успехи. Этот страх был унаследован от далекого прошлого. Его проявления можно найти в том, что накопила коллективная психология, полная комплексов и враждебности, чувствительность которой доходит до «тревожного страха перед исламом» (*Islamophobia*). Все это породило враждебные чувства к этой религии и ее воинству, арабам, которые на протяжении веков представляли вызов и угрозу для Европы на территориальном и духовном уровне, – после того, как треть западного христианского мира была потеряна им в течение столетия (или даже меньше) в результате первой стадии исламских завоеваний.

В основе истории Востока, написанной ориенталистами, лежат имперские амбиции: желание разместить Восток и его прошлое между молотом западных желаний и наковальней будущих планов, создав новую мировую историю.

Эдвард Саид утверждает, что «большинство великих философов истории от Гегеля до Шпенглера относились к исламу без особой симпатии»⁴. Это пронизывает европейскую коллективную память и подсознание и время от времени проявляется, например, в форме интеллектуальных или медийных нападков, как в случае с ведущим одной из передач на Би-би-си Робертом Килрой-Силком, принизившим арабо-исламское прошлое⁵. Он заявил, что «мы» не обязаны арабам ничем из достижений современной цивилизации, и представлял мусульман как террористов, которые рубят головы, отрезают конечности и притесняют женщин.

Страх перед исламом и его первопроходцами-арабами сохранялся на протяжении средних веков и крестовых походов, он воздействовал на европейцев вплоть до эпохи колониализма, когда Европа осознала, что она сильнее Азии и Африки

4 SAID E. *Covering Islam: How the Media and the Experts Determine How We See the Rest of the World*. New York, 1981. P. 13.

5 Имеются в виду колонка Килрой-Силка в газете «Sunday Express» (январь 2004 года), в которой арабы описывались как «suicide bombers, limb-amputators, women repressors». Публикация привела к скандалу, из-за которого Килрой-Силк перестал быть ведущим на Би-би-си: BLOOMFIELD S. *Race Board Backs Kilroy-Silk over "Express" Arab Rewrite* // Independent. 2004. January 11 (www.independent.co.uk/news/media/race-board-backs-kilroysilk-over-express-arab-rewrite-73056.html).

в материальном и военном плане – а особенно сильнее своих ближайших соседей, которых подчинила Османская империя, описывавшая себя как исламскую и считавшая их своими подданными. Несомненно, вражда Запада к арабам и исламу осознанно или нет – это разновидность коллективной психологической мести, как о том писали ведущие европейские умы. Это можно принять, учитывая культурный феномен, на который обратил внимание Эдвард Саид:

«Я не смог найти ни одного периода европейской или американской истории начиная со Средневековья, когда отношение к исламу и размышления о нем выходили бы за рамки симпатий, предубеждений и политических интересов».

Этот характерный для Запада холистский подход, рассмотренный Эдвардом Саидом, кроется в любом случае интеллектуальной работе с арабо-исламским Востоком, в любой попытке познать его. И эта рамка вовсе не является плодом воображения. Однако финальный вердикт Саида в отношении ориентализма сводится к тому, что он произвольно обесценивает арабо-исламскую культуру и написанную ею историю. Конечный смысл аргументов Саида (и впоследствии Мейера) сводится к тому, что всякий ориенталист служит западной имперской и культурной кампании, призванной вообразить определенным образом Восток, господствовать над ним и эксплуатировать.

В то же время в качестве интеллектуального течения и культурного явления ориентализм – и особенно литературно-романтический ориентализм – имел множество достоинств. Польза ориентализма заключается не в том, что он служил имперским интересам, а в том, что спровоцировал в арабской и мусульманской интеллигенции гремучую смесь из коллективных побуждений, личного упорства и наследия предков, которая все же продолжает порождать идеи и порой крайне пронизательные реакции. И вопреки своим предубеждениям и пристрастности ориенталисты предоставили нам возможность взглянуть на себя со стороны, они провоцируют нас, обогащая наше понимание собственной культуры и истории. Этот культурный феномен можно описать как восточную реакцию на западную провокацию, преобладавшую на протяжении эпох (нашего) мрака и регресса. Можно найти арабские книги, которые очень умно подходят к анализу определенных аспектов арабской истории, отвечая на западные интеллектуальные провокации такого рода. Можно без преувеличения сказать, что столпы арабского возрождения (ат-Тахтауи⁶,

6 Рифаа Рафи ат-Тахтауи (1801–1873) – государственный деятель и пионер арабского просвещения в Египте, реформатор образования, писатель и переводчик. Для этой и следующих трех сносок см.: HOURANI A. *Arabic Thought in the Liberal Age 1798–1939*. Cambridge, 2013 [1962].

Абду⁷, аль-Афгани⁸) и некоторые современные новаторы, которые подходили к арабской истории с просвещенным взглядом (Таха Хусейн⁹, Али аль-Варди¹⁰), реагировали или отвечали в своем анализе на западный ориентализм, обесценивавший историю и созидательные способности арабов и ислама. Столкновение с западными идеями и стремление ответить на них (осознанное или неосознанное) привели к попытке освободить это прошлое от презрительного отношения западной аналитики, лишенной чувства сопричастности к наследию и национальной ответственности при обращении с историей ислама и арабов. Поэтому работа Саида, опуская вопрос о степени ее достоверности, в известной степени освободила арабскую культуру от этого ориенталистского вызова.

При этом необходимо осознать следующее: утверждение Саида, что ориентализм готовит агентов и экспертизу для западных империй, неизбежно ведет к концу ориентализма в его традиционном понимании, сложившемся в XIX веке, отправляя его на скамью подсудимых за то, что он империалистический. На практике это привело к тому, что интересующиеся арабским миром и арабской историей стали [...] бояться клейма «ориенталист». Это клеймо (или порой оскорбление) маркирует собой как авторов и свободных литераторов, так и агентов империалистических институтов. Такой результат совершенно неприемлем.

Можно надеяться, что есть и другие факторы, которые влияют на то, как ориенталисты подходят к арабо-исламской истории и представляют ее – некоторые из этих факторов не имеют отношения к империализму. Потому следует фиксировать и изучать эти – иные – мотивы, а затем отделить или изолировать их от общей рамки [ориентализма], которую задали Саид, Мейер и другие. Глубокое понимание западных произведений по арабской истории может быть полезно прежде всего в отношении изложенных в них точек зрения и использованных аналитических подходов, способных приподнять завесу с определенных обстоятельств, которые сложно заметить историку-мусульманину, и обнаружить самые разнообразные личные мотивации, которые подталкивают заниматься этой историей. Это обогатит нас новыми перспективами и поможет сделать наши подходы более разнообразными, а взгляд более глубоким. Это также позволит избавиться от некоторых предрассудков и домыслов, которые проникли в – или были на-

7 Мухаммад Абду (1849–1905) – исламский реформатор, муфтий Египта в 1899–1905 годах.

8 Джамаль ад-Дин аль-Афгани (1838/1839–1897) – один из основоположников исламского модернизма, учитель Мухаммада Абду. Призывал к солидарности мусульманских народов перед лицом угрозы европейского колониализма и к конституционному ограничению власти правителей.

9 Таха Хусейн (1889–1973) – писатель и литературный критик из Египта, один из ведущих представителей арабской литературы XX века, публичный интеллектуал.

10 Али аль-Варди (1913–1995) – социолог и историк из Ирака.

ложены на – этот исторический нарратив за века регресса и иностранного ограбления.

[...]

Одна из мотиваций ориентализма, которую следует зафиксировать и изучить, – это личная инициатива. Некоторые западные авторы обратились к богатейшим залежам источников по арабо-исламской истории, чтобы выделиться из сонма своих коллег, отказавшись от характерной для индустриального мира научной повестки с ее заезженными вопросами. Об этом, например, можно прочесть в письме Чарльза Даути¹¹ его другу, ориенталисту [Дэвиду Джорджу] Хогарту¹², где первый объясняет причины, побудившие его написать ставшее позже классическим произведение «Арабская пустыня». К этой же категории личных устремлений относится создание «Истории халифата» немецкого историка Густава Вайля¹³, по собственной воле взвалившего на себя труд написания этой великой книги, сопоставимой с «Историей пап» фон Ранке¹⁴.

МУХАММАД АЛЬ-ДААМИ
ОРИЕНТАЛИЗМ: ЗАПАДНАЯ
КУЛЬТУРНАЯ РЕАКЦИЯ
НА АРАБО-ИСЛАМСКУЮ
ИСТОРИЮ

Столкновение с западными идеями и стремление ответить на них привели к попытке освободить прошлое от презрительного отношения западной аналитики, лишенной чувства сопричастности к наследию и национальной ответственности при обращении с историей ислама и арабов.

Отца американской литературы Вашингтона Ирвинга также можно отнести к этому разряду. Конечно, сложно причислить данного писателя, творившего вскоре после обретения Соединенными Штатами независимости от Великобритании, к слугам империализма. И все же, несмотря на это, ему не чуждо всепоглощающее чувство западного превосходства над Востоком, который хоть и видится ему ослабшим, но – в то же время – источником жуткой воинственности. В письме к русскому князю Долгорукову, с которым он путешествовал по Андалузии (1829), Ирвинг называет написанное им «Завоевание Гра-

11 Чарльз Даути (1843–1926) – британский путешественник, поэт и писатель. Самое известное его произведение – «Travels in Arabia Desert» (1888).

12 Дэвид Джордж Хогарт (1862–1927) – британский археолог и историк Древнего Востока. В годы Первой мировой войны служил в военно-морской разведке по линии Ближнего Востока.

13 Густав Вайль (1808–1889) – немецкий востоковед, исследовавший первые века исламской истории. Его самое известное произведение – четырехтомная «История халифата», в которой Вайль описывает события, происходившие со смерти пророка Мухаммада в 632 году до завоевания Сирии и Египта османами в начале XVI века.

14 Леопольд фон Ранке (1795–1886) – прусский и немецкий историк и преподаватель. Считается одним из отцов академической объективистской истории. Одно из наиболее известных его произведений – трехтомная «История пап», изданная в 1834–1836 годах.

нады»¹⁵ «своего рода литературным экспериментом». В одной из лучших книг Ирвинга – «Альгамбре»¹⁶ – это стремление к эксперименту, очень персональное по своей природе, воплощается в использовании арабских исторических материалов и нарративных приемов, вдохновленных «Тысячью и одной ночью». Опустим вопрос об исторической достоверности, которая должна быть ориентиром для историка. Ирвинг разрушает стены между историей с одной стороны, и романтическим повествованием с другой с помощью литературного произведения нового типа, как мы можем видеть в посвящении «Альгамбры» его другу – тому самому русскому князю (который ждал от автора чего-то неповторимого, «в стиле Харуна ар-Рашида»¹⁷).

Однако же произведения Ирвинга выходят за пределы литературных экспериментов автора, вдохновленных историей арабского халифата в Испании. История Андалузии – наравне с двумя большими томами его сочинения «Мухаммад и его преемники»¹⁸ – оказалась в тени желания изобразить американский «образ себя» [через исторические параллели]. Ведь чтобы нарисовать и раскрасить этот образ, автор использует арабское прошлое, военные и цивилизационные достижения арабов – порой как образец, а порой в качестве предостережения. История появления ислама в целом и история арабского халифата в Андалузии в частности представляются американскому писателю отражением того, как [сами американцы] воспринимали [свое] новое на тот момент государство. [...] Чтобы создать автопортрет Америки за счет арабского Другого, Ирвинг проводит исторические параллели между завоеванием Иберийского полуострова арабами и колонизацией нового континента по ту сторону Атлантики.

Ирвинг использует восьмивековую историю арабского присутствия в Испании для того, чтобы оправдать развитие Соединенных Штатов за счет коренного населения, игнорируя гуманное обращение пришлых арабов с местным населением Иберийского полуострова. Ведь арабы не пытались лишиться их прав или прогнать, подобно тому как переселенцы в Новом свете изгоняли и уничтожили культуру коренных американцев. Новый народ – «испанские мавры», – появившийся в результате арабского завоевания, приравнивается к новому народу, который появился в Америке позднее, поскольку это также на-

- 15** «Chronicle of the Conquest of Granada» (1829). Издан под псевдонимом Fray Antonio Agapida.
16 «The Alhambra: A Series of Tales and Sketches of the Moors and Spaniards» (1832). Издан под псевдонимом Geoffrey Crayon.
17 Халиф из династии Аббасидов, правивший в 786–809 годах. Его правление часто связывают с расцветом Аббасидского халифата; один из героев «Тысячи и одной ночи».
18 Помимо титула, слово «халиф» на арабском значит «преемник». Книга Вашингтона Ирвинга «Mahomet and His Successors» вышла в 1850 году и была продолжением его биографии «The Life of Mahomet», опубликованной годом ранее.

род смешанной крови, который боролся, с одной стороны, за то, чтобы закрепиться на земле, а с другой – создавал новую цивилизацию, отличавшуюся от цивилизаций Старого света.

[...]

Так арабо-исламская история используется в процессе формирования первого американского мифа. Сравнение «испанских мавров» (то есть смеси арабов и берберов с испанцами) с населением США выражает настойчивое желание Ирвинга адресоваться к гражданину Америки; возложенная автором на себя просветительская миссия заставляет его использовать арабский период истории Андалузии. Окруженные в Европе врагами арабы представляются ему примером народа-созидателя и воина, после чего Ирвинг обращается к последним дням существования их государства в Андалузии, когда арабы были расколоты; автор предостерегает сограждан-современников от внутренних политических и конфессиональных стычек – и от утраты героических лидеров. В обоих случаях, арабо-исламская история используется не в разговоре о современном Ирвингу арабском мире, а для формирования представления о себе американцев.

[...]

В то же время то, как авторы-ориенталисты используют арабо-исламскую историю, есть результат действия целого комплекса факторов из разряда коллективной психологии. Как объяснил [Ричард Уильям] Саузерн в книге «Западные представления об исламе в Средние века»¹⁹, в западном Средневековье арабо-исламский мир воспринимался со страхом. Но спустя столетия, [особенно] начиная с египетского похода Наполеона²⁰, ознаменовавшего «золотой век» европейского колониализма (когда Запад достиг материального и военного превосходства, в то время как арабо-исламский Восток казался ослабленным и бессильным), ориентализм изобрел новые способы использовать эту историю, что было вызвано стремлением – пусть и бессознательным – вновь вызвать наружу скрытый средневековый страх европейцев. [...]

Этот процесс присвоения, как мы видим в данном контексте, в значительной степени напоминает то, что делает психоаналитик со своим пациентом: пробуждает потаенные бессознательные страхи в его душе, чтобы удалить их из его памяти, освободить его от комплексов и вернуть в мир с уверенностью в себе. Поэтому репрезентация арабо-исламской истории тут строится на идее, что погружение в это прошлое приведет

19 SOUTHERN R. *Western Views on Islam in the Middle Ages*. Cambridge: Harvard University Press, 1962.

20 С египетского похода Наполеона (1798) нередко отсчитывается современная история арабского мира. Однако этот взгляд критиковался за европоцентризм. Например, историк Альберт Хаурани отмечал, что многие процессы, определившие арабскую социальную и интеллектуальную историю XIX века, начались еще до этого: HOURANI A. *The Changing Face of the Fertile Crescent in the XVIII Century* // *Studia Islamica*. 1957. № 8. P. 96.

МУХАММАД АЛЬ-ДААМИ
ОРИЕНТАЛИЗМ: ЗАПАДНАЯ
КУЛЬТУРНАЯ РЕАКЦИЯ
НА АРАБО-ИСЛАМСКУЮ
ИСТОРИЮ

к психологическому освобождению Европы. Достаточно лишь продемонстрировать нелепость этого страха, обесценив прошлое арабов и мусульман в сравнении с западным *настоящим*, которое подается как пик развития человеческой цивилизации. Для немалого числа западных авторов привлекательность арабской истории состоит именно в этом. Целью немалого числа ориенталистских произведений является как раз попытка приуменьшить значимость арабо-исламских достижений посредством этого психологического приема. Вспомним, к примеру, книгу кардинала Ньюмана [...] об истории турок и их отношений с Европой²¹. В этом произведении арабо-исламская история преподносится таким образом, чтобы оправдать необходимость раздела Османской империи и дальнейшего контроля европейцев над ее арабскими владениями. Время от времени на Западе высказывается предположение, что мир не обязан арабам и мусульманам ничем из того, что способствовало прогрессу современной цивилизации, а западная культура описывается как вершина достижений человечества. Что же до иных культур, то они являются лишь мелкими притоками, впадающими в общий поток западной цивилизации.

Существует и другой важный феномен, который исследователю стоит иметь в виду, анализируя мотивы литературного ориентализма, а именно, неоправданная селективность. Когда западные авторы касаются какой-то исторической (или еще более широкой) темы, они в большинстве случаев выбирают арабскую историческую личность (или примечательное высказывание) и представляют эту личность (или высказывание) в отрыве от общего исторического контекста. Берется то, что просто поразило западного автора – ничего более того. Подобная избирательность рождает у читателя впечатление, что данный автор обладает глубокими познаниями, выходящими за привычные культурные рамки (автор как бы хвастается своей образованностью). У аудитории создается ощущение, что в этой иностранной истории нет ничего, заслуживающего упоминания или подробного разбора, помимо этой избранной личности (или высказывания). Это подтверждается, в частности, книгой [Томаса] Карлайла «Герои, почитание героев и героическое в истории»²², где почти все великие люди – европейцы, и только один герой – арабский (пророк Мухаммад), который был включен автором в этот Пантеон. Так что западному читателю не избежать ощущения, что исторически Европа была особенно плодородной, ведь она дала человечеству одиннадцать великих [людей], а весь Восток, древний и современный, сумел дать

21 «Historical Sketches. Vol. 1: The Turks in their Relation to Europe. Marcus Tullius Cicero. Apollonius of Tyana. Primitive Christianity» (1872).

22 «On Heroes, Hero-Worship, and the Heroic in History» (1841).

лишь одного человека, что может толковаться как признак бесплодия этого Востока, подобного интеллектуальной пустыне.

Этот селективный подход красной нитью пронизывает интеллектуальную ткань произведения американского мыслителя [Ральфа Уолдо] Эмерсона. Когда он отбирает примечательные высказывания арабских или мусульманских героев, [...] у читателя создается впечатление, что арабо-исламское прошлое не заслуживает особого внимания, за исключением некоторых избранных моментов, представленных всезнающим автором. Отобранные цитаты призваны соответствовать западному настоящему, подтверждая и порождая ложные концепции, которые овладели западным разумом и которые превращают арабскую историю в набор суеверий и мифов, почерпнутых с «другой планеты». Несмотря на явное восхищение фигурой благородного пророка (да благословит его Аллах и приветствует) и праведных халифов, особенно Али и Омара (да будет доволен ими Аллах), читатель обнаруживает, что все это в книге Эмерсона должно укрепить не соответствующее реальности представление: меч, а не проповедь есть главное в исламе.

МУХАММАД АЛЬ-ДААМИ
ОРИЕНТАЛИЗМ: ЗАПАДНАЯ
КУЛЬТУРНАЯ РЕАКЦИЯ
НА АРАБО-ИСЛАМСКУЮ
ИСТОРИЮ

Когда западные авторы касаются какой-то исторической темы, они в большинстве случаев выбирают арабскую историческую личность и представляют эту личность в отрыве от общего исторического контекста. Берется то, что просто поразило западного автора – ничего более того.

А когда кардинал Ньюман пишет об арабах в своем исследовании истории турок, он без колебаний признает их народом умным и склонным к интеллектуальным дебатам, спорам и цивилизационному обновлению. Однако он заранее предполагает, по наитию, что с самого падения халифата в Багдаде (которое он приписывает роли тюрок) арабы оставались покорными, застывшими в развитии. Чтобы обосновать свою теорию о том, что арабы и их халифат якобы стали жертвами варварского тюркского нашествия, Ньюман подводит читателя к двум выводам: во-первых, к необходимости освободить арабов от турецкого ига путем «хирургического» вмешательства европейцев (которое в свою очередь должны направлять католики); во-вторых, что арабов после их отделения от османского государства необходимо направлять и вести посредством мандатного европейского управления.

Перевод с арабского и комментарии Максима Жабко

